

М.С.Иванов, профессор

ГЕБРАИЗМЫ РУССКОГО ПЕРЕВОДА БИБЛИИ СИНОДАЛЬНОГО ИЗДАНИЯ

В 1876 году от имени Синода Русской Православной Церкви впервые была опубликована полная Библия на русском языке.

Этому событию, как известно, предшествовал долгий и сложный путь библейской переводческой деятельности. Новое всегда входит в жизнь не без трудностей. Так было и с русским переводом Библии. И хотя вставшие на этом пути трудности надолго задержали его выход в свет, тем не менее, они все же были преодолены. Вместе с ними были устранены и те, выражаясь словами московского митрополита Филарета, «темные пятна», которые имели место в этой переводческой истории. Перевод был закончен в 1875 году.

С глубокой благодарностью мы вспоминаем имена тех, кто предпринял этот грандиозный, кропотливый и ответственный труд, явившийся значительным вкладом в русскую библейскую науку. Появление перевода не только приобщило широкие народные массы к Священному Писанию, но и способствовало более глубокому богословскому осмыслению Библии. Перевод, несомненно, расширил и ускорил развитие русского богословия.

Говоря об огромном значении русского перевода Библии, нельзя при этом забывать, что он является памятником своей эпохи и как таковой имеет определенные особенности. И хотя Библия — Вечная Книга, а Божественное Откровение, заключенное в ней, — неизменно и непреложно, тем не менее, «вневременных» переводов библейского текста быть не может. Время нашло свое отражение даже в оригинальном тексте, у богодухновенных авторов библейских книг. Оно же налагает свой отпечаток и на переводы Священного Писания.

Было бы ошибкой видеть в этом измену богодухновенности, ибо языковые средства, развивающиеся вместе с развитием языка, при правильном пользовании ими, никогда не изменяют сущности Божественного Откровения. Искажения могут появиться в обратном случае — если в переводе захотят усмотреть символ неизменяемости Священного Писания. Приверженность «не по разуму» к букве никогда не была полезной, ибо буква всегда убивает; животворит же — только дух. Иными словами, чтобы Библия в переводе была такой же живой и действенной (Евр. 4, 12), как и в оригинале, необходимо, чтобы перевод отвечал всем требованиям, предъявляемым к нему Церковью в ту или иную эпоху.

Чтобы в какой-то мере оценить качество первого перевода Священного Писания на русский язык, недостаточно сказать только о квалификации переводчиков. Нужно учитывать при этом и другой немаловажный фактор — состояние и уровень переводческого дела в то время. Тогда, как известно, еще не существовало ни общей теории перевода, ни теории библейского перевода. Переводческая деятельность не имела строго научных оснований. Переводчики той эпохи не оставили нам почти никакой общей методики перевода. Если же мы и встречаем иногда отдельные принципы, которыми они руководствовались в своей переводческой деятельности, то видим, что эти принципы были не всегда совершенными. Буквальная точность перевода, говорим мы сейчас, может привести к смысловому искажению подлинника. Это для нас теперь — аксиома. Но аксиомой она стала не так уж давно. Еще в начале нашего столетия она воспринималась как некое открытие. Обратим в связи с этим внимание на те правила, которые были выработаны для переводчиков Библии на русский язык в качестве руководства: «5) При переводе никогда не переносить слов из одного стиха в другой. 6) Целых членов речи и в одном стихе не переставлять с места на место. 7) Но слова в одной части стиха можно переставлять против оригинала и в соответствие русскому словорасположению. 8) Одно слово оригинала можно переводить двумя русскими словами, а равно и обратно, если сие необходимо по свойству языков. 9) По тем же побуждениям можно допустить в переводе и дополнения против оригинала, но они должны быть печатаны курсивом»¹.

Эти правила показательны в двух отношениях. С одной стороны, мы видим, с какой строгостью и благоговением подходят их составители к библейскому тексту, стараясь оградить его от всевозможных искажений при переводе. А с другой — эти правила ставят переводчиков в такие рамки, в которых им при всем их профессионализме и благочестии будет трудно избежать буквализма.

Буквализм в прошлом веке не только в библейских, но и в любых других переводах отнюдь не был изжит. Напротив, тогда он еще очень часто принимался за правило, будучи привычным, традиционным. Переводческий процесс тогда нередко понимали как калькирование. В XIX веке, как уже было отмечено, еще не было выработано теории переводов.

Библейские переводчики богословски, филологически и лингвистически были достаточно образованными людьми своего времени. Трудились они с сознанием величия совершаемого ими дела, с большим напряжением и духовным подъемом. Так что не будет преувеличением, если скажем, что они сделали все возможное, осуществляя это грандиозное начинание. И мы не можем вменять им в вину буквализм русского перевода Библии. Что же касается отдельных лексических неточностей, допущенных по вине переводчиков, то такие оплошности даже в наше время, когда неизмеримо возросли требования к переводам, не считаются существенными, и перевод даже при их наличии признается отличным, если он сохраняет самое главное: смысловую и стилистическую верность подлиннику.

Пожалуй, единственное, в чем можно упрекнуть библейских переводчиков — это их увлечение славянизмами. Однако и здесь, на наш взгляд, нельзя быть слишком строгими судьями, учитывая, что в процессе перевода русский текст постоянно сличался со славянским переводом и что в то время, особенно в начальный период перевода, славянизмы использовались в русском языке гораздо чаще, чем теперь.

Кроме недостаточно высокого уровня переводческого дела, имеется ряд других факторов, которыми можно объяснить несовершенство русского перевода Библии. Одним из них является состояние в то время библейской науки. Общеизвестно, что многие достижения в области изучения Библии появились после окончания перевода. И хотя все

переводчики были опытными библеистами, тем не менее, им еще многое было неизвестно из истории еврейского народа и других народов Древней Передней Азии, из истории их религии, культуры, литературы. Жизнь, быт, нравы семитских народов не были тогда достаточно изучены. А без таких знаний переводчики, естественно, не могли создать перевода, наиболее полно соответствующего тексту библейского оригинала. Своеобразие самого текста Библии, особенно ритмическое, также явилось значительным затруднением в их работе. Несмотря на то, что все они были знатоками древнееврейского языка, библейская ритмика не всегда поддавалась разгадке. Это особенно заметно при знакомстве с поэтическими текстами Библии. Но ритмическое своеобразие библейской поэзии — это такая тайна для перевода, что она остается до конца не открытой до сих пор.

Все это показывает, как значительны были трудности, с которыми столкнулись переводчики в своей работе.

* * *

Среди особенностей русского перевода Библии первое место, на наш взгляд, занимает буквализм перевода. Его мы можем наблюдать не только в каждой библейской книге, но и почти в каждой главе. Это и явилось главной причиной обилия гебраизмов в русском переводе. Гебраизмы со всей отчетливостью запечатлены в нем во многих, не свойственных и не знакомых русскому языку оборотах, выражениях, словах. Последние можно назвать своего рода «оттисками» древнееврейского языка, по которым бывает нетрудно восстановить ту или иную фразеологическую конструкцию оригинального текста. Такое явление для нас не ново. Мы уже знаем, что славянский перевод Библии, отличающийся еще большим буквализмом, со всей научной серьезностью хотят использовать для восстановления греческого оригинала, с которого был сделан славянский перевод.

Теперь мы непосредственно перейдем к знакомству с некоторыми гебраизмами русского перевода Библии.

В русский библейский текст переводчики иногда переносят синтаксические особенности древнееврейского языка. Одна из таких особенностей — соединение абсолютного инфинитива с личной формой того же глагола. Такое соеди-

нение обычно используется для того, чтобы подчеркнуть или усилить описываемое действие, показать его несомненность. Если сочетание этих двух стоящих рядом форм одного и того же глагола перевести на русский язык буквально, то появится несвойственное русскому языку выражение, которое, к тому же, не отразит смысла, заключенного в древнееврейском словосочетании.

Обратимся к библейскому тексту. В 17-м стихе 2-й главы книги Бытия читаем: «... в день, в который ты вкусишь от него, **смертию умрешь**». «Умереть смертью» — такого выражения русский язык не знает. К тому же, переводчики, допустив при переводе этого словосочетания буквализм, все же видоизменили его, введя вместо инфинитива «умирать» (как в древнееврейском тексте) существительное «смерть», т.к. они, естественно, не могли сделать перевода, совершенно недопустимого стилистически: «... в день, в который ты вкусишь от него, умереть умрешь». Однако и выражение «смертью умрешь» не передает смысла древнееврейского словосочетания. Последнее употреблено здесь для того, чтобы подчеркнуть непреложность Божественного закона, абсолютную неизбежность смерти в случае нарушения заповеди. Соответственно более точный вариант перевода этого текста мог бы быть таким: «в день, в который ты вкусишь от него, непременно умрешь».

В следующей главе мы снова встречаем аналогичное сочетание. «Жене сказал: умножая умножу скорбь твою...» (ст. 16). В тексте оригинала здесь использованы две формы глагола: инфинитив и будущее время (букв.: «**умножить умножу**»). Этим словосочетанием определяется сила, тяжесть скорби, которая впоследствии ляжет на плечи женщины. Поэтому одним из вариантов перевода этого места мог бы быть следующий: «Жене сказал: весьма умножу скорбь твою...» В Синодальном же переводе снова стоит не свойственное русскому языку выражение: «умножая умножу». Правда, при переводе некоторых других аналогичных мест переводчики избегают таких выражений. В 14-м стихе 12-й книги Царств мы читаем: «**умрет** родившийся у тебя сын» (текст взят из обличительного слова пророка Нафана, обращенного к пророку Давиду). Словом «умрет» здесь переводится древнееврейское словосочетание, уже знакомое

нам из 2-й главы книги Бытия (ст. 17), с той лишь разницей, что здесь мы уже не встречаем известного нам «смертью умрет». Оставив без перевода инфинитив («умереть») и не трансформируя его в существительное («смерть»), переводчики, тем не менее, и в этом случае не передали смысла анализируемого нами словосочетания, которое введено здесь для того, чтобы через усиление глагола «умереть» усилить обличительный тон речи пророка Нафана.

Метод калькирования, затруднявший при переводе полное использование возможностей русского языка, вызвал у переводчиков затруднения и при передаче многих обобщенных понятий и категорий, выраженных в древнееврейском языке, как правило, в конкретных образах и словах. Такие, например, слова как «муж», «отец», «сын», «дочь» и др., определяют у евреев не только родственные отношения. В различных сочетаниях (в грамматиках древнееврейского языка они носят название «сопряженных сочетаний»), куда они входят, их смысловой объем претерпевает значительные изменения. При переводе таких сочетаний на современные языки невозможно обойтись без обобщенных понятий, адекватных этим древним выражениям. Библейские же переводчики в этих случаях очень часто ограничиваются буквализмами. Например: «отец всех играющих на гуслях и свирели» (Быт. 4, 21), «дщери пения» (Ек. 12, 4), «сын старости его» (Быт. 37, 3), «отец живущих в шатрах со стадами» (Быт. 4, 20), «сыны убогого» (Пс. 71, 4), «дочь лука» (Иов. 41, 20). Последнее словосочетание вызывает особый интерес. Дело в том, что в древнееврейском тексте (Иов. 41, 20) нет слова «дочь»; там стоит слово «сын». Что в таком случае может означать выражение: «сын лука»? Переводчики поняли, что речь здесь идет о стреле. Но поскольку существительное «стрела» в русском языке — женского рода, а не мужского, как в древнееврейском, они и заменили слово «сын» на слово «дочь». Однако такая изобретательность была бы ненужной, если бы переводчики не внесли в 20-й стих 41-й главы книги Иова гебраизма, и тогда, вместо перевода, который имеется в синодальном тексте: «Дочь лука не обратит его в бегство», появился бы другой, более приемлемый вариант: «Стрела не обратит его в бегство»².

Читающему Библию в русском синодальном переводе следует иметь в виду, что слова «сын», «муж», «отец» в

сопряженных сочетаниях встречаются очень часто. В таких случаях они обычно теряют свое прямое значение, а также иногда служат для словообразования. Если же они встречаются в русском тексте в гебраизмах, то при определении смысла последних нужно избегать их буквального понимания. В 4-м стихе 71-го псалма, например, читаем такие слова: «да спасет **сынов убогого** и смирит притеснителя». Казалось бы, речь здесь идет о сынах (или детях) человека, страдающего каким-то недугом. На самом же деле, «сыны убогого» — это сопряженное сочетание, образовавшее, согласно словарю древнееврейского языка, новое слово «бедные». Поэтому перевод и, соответственно, смысл этого библейского текста будет другим: «да спасет **бедных** и смирит притеснителя». Другой пример показывает, как слово «сын» в сопряженном сочетании теряет свое прямое значение. «И вышли сыны пророков...» — читаем в 3-м стихе 2-й главы 4-й книги Царств. Здесь «сыны» — не только не дети пророков, но даже и не их родственники. Зная библейскую историю, мы можем сказать, что этим словом в анализируемом гебраизме называются **ученики пророков**.

Справедливости ради следует отметить, что сопряженные сочетания переводчики не всегда переводят на русский язык буквально. Чтобы увидеть преимущество правильного перевода таких сочетаний перед их буквальным переводом, сравним русский (литературный) и славянский (буквальный) переводы 11-го стиха 78-го псалма: «**могуществом мышцы Твоей сохрани обреченных на смерть**» и «**по величию мышцы Твоя снабди сыны умерщвленных**». Переводы, как видим, существенно расходятся между собой. Если в первом случае молитва совершается за тех, кому угрожает смерть, то во втором — за сыновей (или за детей) тех, кто сам претерпел смерть.

При переводе некоторых гебраизмов, являющихся также сопряженными сочетаниями (например, «сыны Востока», «сыны Аммона») переводчики хотя и пытаются отойти от буквализма, но делают это лишь наполовину. Рассмотрим перевод 14-го стиха 11-й главы книги пророка Исаии: «И полетят на плеча Филистимлян к западу, ограбят всех **детей Востока** (букв.: «сынов Востока» — М. И.); на Едома и Моава наложат руку свою и **дети Аммона** (букв.: «сыны

Аммона — М. И.) будут подданными им». К переводу этого стиха можно сделать три замечания. Во-первых, перевод сделал непонятной первую часть стиха: «И полетят на плеча Филистимлян к западу»; во-вторых, «дети Востока» — хотя это и не «сыны Востока», тем не менее, смысл древнееврейского текста передан не совсем точно: речь идет не о детях только, а о всех жителях Востока: и, в-третьих, поскольку в названии племен и народностей древнееврейский язык очень часто использует слово «сыны», «сынов Аммона» следовало бы назвать не «детьми Аммона», а «аммонитянами», тем более что предлагаемые варианты перевода в русском синодальном тексте встречаются нередко. Например: «Наконец, Аммонитяне (букв.: «сыны Аммона» — М. И.) перешли Иордан...» (Суд. 10, 9); «когда посетит Израиль, придут Маданитяне и Амаликитяне и жители Востока (букв.: «сыны Востока» — М. И.) и ходят у них» (Суд. 6, 3).

Но даже тогда, когда слова «муж», «отец», «сын», «дочь» определяют родственные отношения, значения их в древнееврейском языке зачастую бывают шире, чем в языке русском. Например, древнееврейское «бэн» — это не только «сын», но и «внук», и «потомок», а «сыновьями» могут быть названы «дети», «отцами» — родители. Вообще слово «сын» может обозначать «генеалогическую непрерывность, даже довольно отдаленную (Мессия — сын Давида) и иногда только юридическую»³. Библейские родословные поэтому всегда вызывают при переводе затруднения. В таких случаях могут помочь только параллельные места. Они-то как раз и помогли вскрыть некоторые неточности, допущенные в русском переводе. Так, в 28-й главе книги Бытия Лаван значитесь сыном Вафуила (ст. 5); а в главе 29-й (ст. 5) — сыном Нахора. Другие параллельные места (Быт. 22, 20 - 23; 24, 24 - 29), (Быт. 29; 6, 9, 13) подтверждают правильность первого перевода. Следовательно, Лаван был не сыном, а внуком Нахора. В книге Ездры пророк Захария назван сыном Адды (5, 1). В своей же книге Пророк пишет: «было слово Господне к Захарии, сыну Варахиину, сыну Аддову, пророку» (Зах. 1, 1). Так что Адда является не отцом, а дедом пророка Захарии. Встречаются и другие неточные переводы. Так, в 19-й главе книги пророка Иеремии (стих 5) сказано: «И устроили высоты Ваалу, чтобы сожигать сыновей своих

огнем во всеожжение Ваалу». Если читающий этот стих не знает, что подчеркнутые слова — гебраизм, то он может сделать вывод, что в жертву идолам приносились лица только мужского пола. На самом же деле, как свидетельствует, например, 105-й псалом, Израильтяне «приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам; проливали кровь невинную, кровь сыновей своих и дочерей своих, которых приносили в жертву идолам Ханаанским» (стихи 37 и 38). Следовательно, библейский текст из книги пророка Иеремии должен быть иным: «И устроили высоты Ваалу, чтобы сожигать детей своих огнем во всеожжение Ваалу».

На примере нескольких стихов из книги Второзаконие можно заметить, что переводчики не всегда строго учитывают особенности анализируемых древнееврейских слов. В 16-м стихе 24-й главы они частично избегают буквализма: «**Отцы** не должны быть наказываемы смертью за детей (букв.: «за сыновей»), и **дети** (букв.: «сыновья») не должны быть наказываемы смертью за **отцов**». Как видим, особенности слова «сын» ими учтены, а слова «отец» — нет. С учетом особенностей обоих древнееврейских слов перевод этого стиха мог бы быть таким: «**Родители** не должны быть наказываемы смертью за **детей**, и **дети** не должны быть наказываемы смертью за **родителей**». Если здесь переводчики избегают буквализма хотя бы в отношении слова «сын», то в 12 - 13-м стихах 31-й главы этой же книги они снова допускают буквализм в отношении того же самого слова: «Собери народ, мужей и жен, и детей, и пришельцев твоих, которые будут в жилищах твоих, чтоб они слушали и учились и чтобы боялись Господа и Бога вашего, и старались исполнять все слова закона сего; и **сыны их** (нужно, как и во Второз. 24, 16: «и **дети их**» — М. И.), которые не знают сего, услышат и научатся бояться Господа Бога вашего...» А в 43-м стихе 31-й главы книги Бытия в переводе допущена неточность обратного порядка: слово «сыновья» ошибочно переведено словом «дети», хотя речь там идет именно о сыновьях Лавана: «И отвечал Лаван и сказал Иакову: «дочери — мои дочери, **дети — мои дети** (нужно: «сыновья — мои сыновья» — М. И.).

В библейском древнееврейском тексте очень широко отражена особенность древних евреев мыслить в конкретных образах. Помимо приведенных нами примеров со словами

«отец», «муж», «сын», «дочь», где в русском переводе требуется введение более общих понятий, в Библии встречается немало выражений, в которых конкретизирующие слова при переводе должны быть или удалены, или подвергнуты литературной обработке с учетом стилистических особенностей русского языка, чего не было сделано переводчиками. Протицируем несколько таких мест: «сказать слово в уши» (Быт. 44, 18), «дыхание духа жизни в ноздрях своих» (Быт. 7, 22), «от подошвы ног до верха головы его не было у него недостатка» (2 Ц. 14, 25), «не являйтесь ко мне на лице» (Быт. 44, 23), «я отдала служанку мою в недра твое» (Быт. 16, 5), «сын, который вышел из чресл моих» (2 Ц. 16, 11), «почитай лицо старца» (Лев. 19, 32), «голубь не нашел места покоя для ног своих» (Быт. 8, 9), «сего возьмете от глаз моих» (Быт. 44, 29), «он от плеч своих был выше всего народа» (1 Ц. 9, 2) и т.д.

При переводе не всегда учитывается еще одна грамматическая особенность древнееврейского языка. Если однородные имена существительные имеют в предложении одно и то же притяжательное местоимение (местоименный суффикс), то последнее обычно ставится при каждом существительном. Буквальный перевод таких мест становится тяжелым и неестественным: «пойдем с малолетними нашими и стариками нашими, с сыновьями нашими и дочерьми нашими, и с овцами нашими и с волами нашими...» (Исх. 10, 9). С учетом того, что в этом тексте, кроме местоименного суффикса, имеются и другие буквализмы, одним из вариантов его перевода мог бы быть такой: «пойдем с нашими семьями и скотом». Вообще же языку Библии, как впрочем, и другим древним языкам, свойственны повторы. Это относится не только к местоимениям. В 1-й главе книги Судей мы читаем: «Манассия не выгнал жителей Бефсана и зависящих от него городов, Фаанаха. и зависящих от него городов, жителей Дора и зависящих от него городов, жителей Ивлеама и зависящих от него городов, жителей Мегиддона и зависящих от него городов...» (стих 27). Выражение «и зависящих от него городов», повторяясь 5 раз, затрудняет чтение текста.

В библейском тексте имеется много идиоматических оборотов речи, переданных переводчиками в ряде случаев дословно. На одном из них остановимся подробно, т.к. эта

идиома породила множество размышлений и толкований религиозного, богословского и даже философского характера. Это — идиома «добро и зло». Впервые она встречается в названии одного из райских деревьев. Поскольку в раю было запрещено вкушение плодов от дерева познания «добра и зла», предлагались различные варианты объяснения этого запрета и понимания того, какой смысл заключается в самом названии райского дерева. Но это название — обычная идиома древнееврейского языка. Установить ее смысл помогают библейские тексты, в которых она встречается. Приведем некоторые из них: «И пришел Бог к Лавану Арамеянину ночью во сне и сказал ему: берегись, не говори Иакову ни доброго, ни худого (букв.: «не говори Иакову добра и зла», т.е. «ничего» — М. И.) (Быт. 31, 24). «Дети ваши, о которых вы говорили, что они достанутся в добычу врагам, и сыновья ваши., которые не знают ныне ни добра, ни зла (т.е. «ничего» — М. И.), они войдут туда, им дам ее, и они овладеют ею» (Второз. 1, 39). «И сказала раба твоя: да будет слово господина моего царя в утешение мне; ибо господин мой царь, как Ангел Божий, и может выслушать и доброе, и худое» (букв.: «и добро, и зло», т.е. «все» — М.И.) (2 Царств, 14, 17). На основании этих и других мест Священного Писания можно безошибочно заключить: «дерево познания добра и зла» — это «дерево познания всего».

Синонимом «добра и зла» в библейском тексте «является идиоматическое выражение «малое и великое», также переводимое на русский язык в некоторых случаях буквально. «Нет, не обвиняй в этом, царь, раба твоего и весь дом отца моего, — читаем в 1-й книге Царств, (стих 15-й), — ибо во всем этом деле не знает раб твой ни малого, ни великого» (т.е. «ничего»).

Остановимся еще на одном идиоматическом обороте речи: «есть хлеб». Эта идиома многозначна; помимо основного значения: «употреблять пищу», имеет ряд производных: «жить в достатке», «пользоваться теми или иными благами», «обладать самым необходимым», «общаться с кем-либо» «пользоваться расположением кого-либо» и другие. Впервые она встречается в 3-й главе книги Бытие, где описываются последствия грехопадения первого человека: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю,

из которой ты взят; ибо прах ты и в прах возвратишься» (стих 19). В этом стихе речь идет не о вкушении хлеба или пищи вообще, а о том, что «только ценой тяжкого труда греховный человек сможет обеспечить себя необходимым»⁴. Это идиоматическое выражение имеется и во 2-й главе книги Исход, где описывается бегство пророка Моисея от фараона в землю Мадиямскую и его встреча со священником Рагуилом и его дочерьми. Рагуил «сказал дочерям своим: где же он? зачем вы его оставили? позовите его, и пусть он ест хлеб» (стих 20). В этом гебраизме выражено не только желание Рагуила накормить (и, разумеется, не только хлебом) Моисея, но и его доброе расположение к незнакомцу, оказавшему благодеяние дочерям Мадиямского священника. Такое же расположение и даже дружественные чувства выражены к Иудейскому царю Иоакиму со стороны Вавилонского царя Евильмеродаха, о чем повествуется в 31 - 34 стихах 52-й главы книги пророка Иеремии, где идиома «ел хлеб» переведена, на наш взгляд, неудачно: «... Евильмеродах, царь Вавилонский, в первый год царствования своего, возвысил Иоакима, царя Иудейского и вывел его из темничного дома. И беседовал с ним дружелюбно, и поставил престол его выше престола царей, которые были у него в Вавилоне. И переменял темничные одежды его, и он всегда у него обедал (букв.: «ел хлеб пред лицом его» — М. И.) во все дни жизни своей» (ст. 31 - 33). «Постоянно есть хлеб вместе с кем-нибудь — значит, по замечанию одного из библеистов, быть его другом, почти наперсником»⁵. Об этом же свидетельствует и 10-й стих 40-го псалма: «Даже человек мирный со мною, на которого я полагался, который ел хлеб мой (т.е. был мне близок — М.И.), поднял на меня пята». В некоторых случаях рассматриваемый гебраизм не нуждается в специальном переводе и в синодальном библейском тексте может быть частично или полностью опущен. «Тогда Саул вдруг пал всем телом своим на землю, ибо сильно испугался слов Самуила; притом и силы не стало в нем, ибо он не ел хлеба (предлагаемый вариант перевода: «ибо он ничего не ел» — М. И.) весь тот день и всю ночь». (1 Царств. 28, 20). Другой пример: «Если голоден враг твой, накорми его хлебом». (Слово «хлебом» нужно опустить — М. И.) (Притч. 25, 21).

Иногда переводчикам, как и в случае с сопряженными сочетаниями, при переводе гебраизма «есть хлеб», удастся избежать буквализма: «Отец твой заклял народ, сказав: «проклят, кто сегодня **вкусит пищи**» (букв.: «будет **есть хлеб**» — М. И.) (1 Царств, 14, 28).

Но в 25-м стихе 30-й главы книги Притчей переводчики, избежав одного буквализма, допускают другой, в результате чего муравьи получают название «народа»: «**Муравьи — народ не сильный, но летом заготавливают пищу свою** (букв.: «**хлеб свой**» — М. И.) (Притч. 30, 25).

Со словом «хлеб» в русском переводе встречаются и другие гебраизмы, в которых это слово теряет свое прямое значение, например: «хлеб беззакония» (Притч. 4, 17), «хлеб слезный» (Пс. 79, 6), «хлеб праздности» (Притч. 31, 27), «хлеб насущный» (Притч. 30, 8).

Рассмотрим постоянно встречающееся в русском переводе выражение «сказал... говоря», например: «И сказал Господь Моисею, говоря» (Исх. 25, 1). Деепричастием «говоря» в этом выражении переведены древнееврейский инфинитив «говорить» и предлог «чтобы». В результате буквальный перевод всего выражения будет таким: «сказал, чтобы сказать». Такой перевод, естественно, не может быть использован в русском библейском тексте. Однако и деепричастие несовершенного вида «говоря» также не соотносится с глаголом прошедшего времени «сказал», т.к. последний выражает совершившееся действие, а форма «говоря» — действие совершающееся. Но мы настолько привыкли к этому гебраизму по причине его частого употребления в Библии, что порой не замечаем этого несоответствия, хотя и знаем, что в русском языке такое глагольное сочетание немислимо. Учитывая то обстоятельство, что наличие или отсутствие деепричастия «говоря» в русском библейском тексте никак не сказывается на его смысле, можно было бы это деепричастие на русский язык не переводить вообще и этим избежать одного из гебраизмов русского перевода.

Нельзя не сказать о гебраизмах, которые, так сказать, «прижились» в русском библейском тексте и воспринимаются как явления русского языка. Например, языка древних сказаний, летописей, былин и т.п.

Обратимся к 1-й главе первой библейской книги. В ней — 31 стих. 28 из них начинаются с союза «и»: «и сказал», «и увидел», «и назвал», «и произвела», «и поставил», «и благословил» и т.д. Первая глава не является в этом отношении исключением. Подобное явление мы наблюдаем на протяжении всей Библии. Об Исаве, например, в 25-й главе книги Бытия сказано: «и он ел и пил, и встал, и пошел, и пренебрег...» (34 стих). Такие примеры можно умножать до бесконечности. Здесь естественно напрашивается вопрос: действительно ли в древнееврейском языке так часто употребляется этот союз? Обратим внимание на то, что в приведенных нами примерах, а также во множестве других аналогичных случаев союз «и» всегда стоит при глаголах. Это не случайное совпадение. Дело в том, что древнееврейское «вав» имеет два значения: 1) союз «и»; 2) «вав последовательности». В своем втором значении «вав» в соединении с формой имперфекта⁶ придает последнему значение перфекта⁷, а «вав» в соединении с перфектом образует имперфект. Поэтому такое «вав» иногда называют «перевертывающим глагольные времена»⁸. В ряде случаев «вав», выступающее в таком значении, можно было бы не переводить союзом «и». У библейских же переводчиков «вав» при глаголах, как правило, объединяет в себе два указанных значения. К таким выражениям как: «и сказал Бог» (Быт. 1, 3), «и пошел Моисей» (Исх. 4, 18) — мы уже привыкли и воспринимаем их, как было отмечено, как типично русские, в которых даже воскресает седая древность. В этих выражениях буквализм действительно уже «прижился» и не контрастирует с остальным текстом. Тексты же, аналогичные приведенному нами из 25-й главы книги Бытия («и он ел и пил, и встал, и пошел, и пренебрег...»), как нам представляется, воспринимались бы лучше, если бы они не были переведены буквально.

Заканчивая перечень некоторых гебраизмов и не останавливаясь на других особенностях синодального текста, следует еще раз подчеркнуть, что перевод Библии на другие языки сопряжен с огромными трудностями. Своеобразие многих языковых явлений древнееврейского библейского текста, особенно его поэтичность, чрезвычайно большой исторический период, обнимаемый библейским повествованием, древность текста, краткость и образность языка,

наличие *hapaх legomenon*⁹ — вот далеко не полный перечень того, с чем приходится сталкиваться при переводе Библии с древнееврейского языка. Однако этим трудности переводческой работы не ограничиваются. Как уже было отмечено, переводчик должен иметь широкие познания в библеистике, знать принципы перевода вообще и библейского в частности, критически усваивать результаты библейских исследований в инославии. Преодолеть эти трудности одними научными усилиями невозможно. Приступающий к переводческому труду должен жить в благодатной атмосфере святой Церкви и руководствоваться православной традицией понимания Священного Писания. Предание о чудесном озарении праведного Симеона Богоприимца при переводе им известного пророческого места всегда должно побуждать переводчика Библии искать помощи и божественной премудрости у Самого Источника Сверхъестественного Откровения.

Зададимся вопросом: располагаем ли мы в настоящее время такими церковными научными силами, которые смогли бы успешно осуществить столь ответственное и столь трудное начинание по улучшению русского синодального библейского перевода? Как бы мы ни воспринимали современную русскую библеистику, на этот вопрос будем вынуждены ответить отрицательно. К сожалению, наши научные усилия в этой области пока еще слишком слабы. Чтобы преодолеть отставание в переводческой сфере библеистики, вызванное целым рядом как объективных, так и субъективных причин, нам потребуется немало времени и сил. Некоторые считают, что преодолеть отставание в этой области могут помочь индивидуальные опыты перевода. При этом ссылаются на библейские переводы архимандрита Макария (Глухарева), профессора протоиерея Герасима Павского, обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева и других. Однако такие примеры, как нам представляется, неудачны в двух отношениях. Во-первых, в наше время, когда мы пожинаем плоды «идеологического плена», приведшего к нарушению не только исторических, культурных, но и церковных традиций, человеку, владеющему теми или иными языками, но живущему в атмосфере искаженной духовности, открыть благодатный мир Библии и донести его посредством перевода до современного читателя становится чрезвычайно трудно.

Во-вторых, — и это, пожалуй, самое главное — индивидуальный перевод не застрахован от нарушения православной традиции, предписывающей постигать Библию не индивидуально, а соборно. Именно так, т.е. соборно, Библия должна и переводиться на другие языки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ П. Юнгеров. Общее историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги, изд. 2, Казань, 1910, с. 450.

² Иллюстрацией того, что сопряженные сочетания, оставшись в синодальном тексте в виде гебраизмов, иногда затрудняют понимание библейского текста, может служить объяснение в «Толковой Библии» под редакцией А.П. Лопухина 10-го стиха 61-го псалма: «**Сыны человеческие**» — только суета; **сыны мужей** — ложь». Толковник пишет: «Сыны человеческие» — обыкновенные люди, простой народ; «Сыны мужей» — знатные лица» (Толковая Библия. Изд. 2-е; Стокгольм, 1987, т. IV, с. 252). Однако такое толкование не имеет лексических оснований. В словарях древнееврейского языка оба выражения передаются как синонимы. Синонимами они являются в этом стихе и в переводе 70-ти, и в славянском тексте, где переводятся одним и тем же выражением: «обаче суетни **сынове человечестии**, лживи **сынове человечестии** в мерилех...» (Пс. 61, 10).

³ Энрико Гальбиати, Алессандро Пьяцца. Трудные страницы Библии (Ветхий Завет). Милан — Москва, 1992, с. 154.

⁴ Словарь библейского богословия под редакцией Ксавье Леон-Дюфура. Перевод со второго французского издания; Брюссель, 1974, с. 1207.

⁵ Там же, с. 1207.

⁶ Имперфект в древнееврейском языке соответствует будущему времени.

⁷ Перфект в древнееврейском языке соответствует прошедшему времени.

⁸ Б.М. Гранде. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972, с. 346.

⁹ Нарух *legomenon* (букв.: «один раз сказанное») — греческое словосочетание, используемое в лингвистике для обозначения выражений или отдельных слов, встречающихся в том или ином тексте (в нашем случае — в древнееврейском библейском тексте) только один раз.